

Бай Ван полулежал на кушетке в главной комнате, сцепив руки в замок за головой, и лениво предавался размышлениям.

На столе курилась благовониями курительница, украшенная фигуркой белого журавля, рвущегося в небо. Аромат был тонким и холодным, прекрасно успокаивающим дух. Бай Ван вдруг смутно припомнил, что в Павильоне Ланьтин, рядом с Инь Хуайсянем, чувствовал точно такой же запах.

Бай Ван перевернулся на бок и, сам того не заметя, прикрыл глаза. Струйки дыма, причудливо извиваясь в воздухе, постепенно уносили его мысли в прошлую жизнь.

— Старший брат! Ты вернулся!

Группа юношей в белоснежных одеждах прилежно упражнялась с мечами на тренировочной площадке на вершине горы Секты Цинсуй Цзюсяо. Увидев приближающегося Бай Вана, который шел к ним, заложив руки за спину и широко улыбаясь, они тут же подняли головы.

— Идите сюда, идите! — Бай Ван сделал несколько шагов навстречу и поманил их рукой.

Юноши убрали мечи и гурьбой бросились к нему, глядя на него с нескрываемым ожиданием. Бай Ван достал из-за спины ларец с едой, доверху набитый всевозможными деликатесами.

Вообще-то, прямые ученики Секты Цинсуй Цзюсяо давно перешли на полное воздержание от пищи, и в еде больше не нуждались. Но Бай Ван всегда относился к подобным правилам с пренебрежением.

Вкусно поесть — это же истинное наслаждение! Мы живем не для того, чтобы просто существовать, а чтобы ощутить гармонию между едой и своей душой! Подумайте только: курица в луковом масле, курица по-деревенски, жареная утка, хрустящие масляные рулетики, томленное мясо, карп в горшочке, тушеные ребрышки, маринованные утиные лапки...

— Хватит, старший брат, умоляем, не продолжай! — хором простонали юноши, окончательно капитулировав перед теорией Бай Вана о том, что еда — дело всей жизни.

Однако на вершине горы Цинсуй не было мест, где можно было бы развести огонь, а без разрешения наставника спускаться вниз запрещалось. Поэтому, как бы сильно ни разыгрывался аппетит, юношам приходилось придерживаться аскезы.

В этот раз, отправившись по делам вниз, Бай Ван, зная, что в прошлый раз сам же раздражил их аппетит, поспешил на обратном пути закупить целую гору вкусной еды.

Юноши, наперебой благодаря старшего брата, разобрали палочки и принялись за угощение, и вокруг воцарилась атмосфера искренней радости.

Бай Ван, прислонившись к дереву, усмехнулся:

— Ешьте быстрее, а как закончите — снова за мечи.

— Старший брат, почему ты в последнее время стал как второй брат? Все время гонишь нас тренироваться. Раньше ты вечно таскал нас по горам в поисках чего-то нового и интересного, да еще и постоянно кричал, что ты здесь главный герой, — поддразнили его юноши, не переставая жевать.

Бай Ван тихо кашлянул, подумав про себя: Молодость-зеленость, совсем еще дети.

— Ну что, есть кто-нибудь, у кого возникли трудности с практикой? — поспешил он перевести тему.

— Есть, есть! — отозвался один из юношей с ноткой разочарования в голосе.

— Где застрял? Показывай, научу, — Бай Ван поманил его к себе. Юноши обступили его, засыпали вопросами, и Бай Ван терпеливо ответил на каждый из них.

Несмотря на статус старшего брата, Бай Ван никогда не держался высокомерно, каждый день проводя время с младшими, беседуя обо всем на свете. При этом он обладал выдающимся талантом: когда нужно было проявить серьезность, он становился предельно собранным, а его уровень совершенствования был самым высоким среди прямых учеников.

Поэтому Бай Ван стал для юношей объектом искреннего восхищения. Он же относился к ним как к младшим братьям, тщательно их наставляя.

Но где есть тот, кто играет роль доброго наставника, там должен быть и строгий.

Пока Бай Ван возился с ребятами, к ним подошел человек с холодным взглядом.

— О, второй брат, — пробормотал один из юношей, и все тут же в панике начали прятать ларец с едой.

— Воздержание от пищи — основа нашего пути, что вы здесь устроили! Вы тренировались или нет? — Лю Вэньмин нахмурился. У него были правильные черты лица, ясные глаза, тонкие губы и гордая линия бровей. Одетый в синие одежды, перехваченные на талии серебряным поясом с вышитыми облаками, он выглядел подтянутым и строгим.

— Вэньмин! — Бай Ван с улыбкой подошел к нему и, обняв за плечи, подмигнул юношам, увлекая второго брата в сторону.

Лю Вэньмин был первым прямым учеником главы секты Фуцю, и все, кроме Бай Вана и старшей сестры Цю Хуапин, называли его вторым братом. По правилам, Бай Ван тоже должен был звать его младшим братом.

Но Бай Ван всегда звал его просто по имени, потому что успел заметить: Лю Вэньмин — это ребенок, которому выпала невероятно горькая доля!

Настоящий, словно скроенный по лекалам, несчастный «второй главный герой»!

Талант есть, но чуть меньше, чем у Бай Вана.

Мастерство высокое, но все равно не дотягивает до Бай Вана.

Он усердно тренируется, чтит правила, блюдет чистоту помыслов, но в итоге всегда остается лишь вторым. А еще у него был характер твердый, словно стальной прут, из-за чего другие ученики скорее боялись его, чем уважали.

Если бы Бай Ван еще и называл его младшим братом, это означало бы лишний раз подчеркнуть свое превосходство — это было бы слишком жестоко!

Такие персонажи либо в конце пути переходят на сторону зла и становятся главными злодеями, либо до последнего вдоха остаются верными помощниками, отдавая главному герою все: артефакты, девушек, секретные техники и бессмертные плоды, зачастую жертвуя даже собственной жизнью.

Бай Ван прикинул характер Лю Вэньмина: злодеем он точно не станет, значит, относится ко второму типу — несчастных помощников.

— Старший брат, ты слишком их балуешь, — вздохнул Лю Вэньмин.

— Ах, в следующий раз буду внимательнее, — рассмеялся Бай Ван. — Кстати, Вэньмин, я тут спускался с горы и заглянул к тебе домой. С матушкой все в порядке, не переживай.

В прошлый раз пришло письмо, в котором упоминалось, что мать Лю Вэньмина простудилась. Лю Вэньмин извелся от беспокойства, но, будучи человеком упрямым и верным правилам секты, даже не помышлял о том, чтобы самовольно покинуть гору. Бай Ван, отправляясь по делам, решил навестить ее ради него.

— Спасибо, старший брат, — в глазах Лю Вэньмина мелькнула благодарность.

Какой же он прямолинейный, — подумал Бай Ван. — Я постоянно его обхожу, а он ни капли зависти или злобы не выказывает.

— Матушка просила передать тебе кое-какие вещи, как будет время — заходи ко мне, забереешь, — добавил Бай Ван.

— Хорошо, — кивнул Лю Вэньмин.

Бай Ван похлопал его по плечу и направился к своему бамбуковому домику. Вокруг было тихо, люди здесь появлялись редко. Легкий ветерок шелестел в бамбуковой роще, Бай Ван с тихим скрипом отворил дверь и прошел в боковую комнату.

— Хуайсянь, Хуайсянь, — позвал он, и семи-восемилетний ребенок поспешно вышел навстречу.

— Проголодался? — Бай Ван с улыбкой достал из-за пазухи бумажный сверток, в котором лежал леденец на палочке. — Поешь пока это, чтобы перебить аппетит, а я позже спущусь вниз и принесу тебе нормальной еды.

— Спасибо, — маленький Инь Хуайсянь опустил голову и осторожно принял сладость.

Эх, в порыве чувств притащил ребенка в главную обитель секты, но так дело не пойдет. На горе запрещено жить посторонним, если узнают, что он прячет здесь человека, наказания не избежать. Нужно при первой же возможности устроить его в ученики у подножия горы.

Бай Ван призадумался, но, подняв голову, увидел, что маленький Инь Хуайсянь пристально смотрит на него.

— Что такое? — удивился Бай Ван.

— Я... я буду вести себя хорошо. Старший брат, пожалуйста, не бросай меня, — маленький Инь Хуайсянь сжал леденец в руке, его глаза наполнились страхом и тревогой.

Бай Ван поспешно подхватил его на руки и, поглаживая по спине, успокоил:

— Не бойся, я тебя не брошу.

— Угу, — Инь Хуайсянь уткнулся лицом в плечо Бай Вана, его голос все еще дрожал от сдерживаемых рыданий.

Бай Ван еще немного поуспокаивал его, но, обернувшись, увидел Цю Хуапин: она застыла в дверях, остолбенев от увиденного.

— Старший... старший брат, — растерянно пролепетала она.

— Мой сын! — выпалил Бай Ван, решив идти ва-банк, и озорно усмехнулся.

Цю Хуапин мгновенно залилась краской, но тут же опомнилась:

— Этому ребенку уже лет семь-восемь! Старший брат, тебе что, десять лет было, когда он родился?!

Бай Ван расхохотался, уложил Инь Хуайсяня в боковой комнате и объяснил Цю Хуапин, как все было на самом деле. У девушки было доброе сердце, она тут же прониклась жалостью к мальчику, но, как человек, знающий правила секты, не могла не волноваться.

— Старший брат, если это обнаружат, тебя точно накажут, — с сомнением проговорила она.

— Я знаю, но не могу же я оставить его на произвол судьбы, — Бай Ван в растерянности взъерошил волосы. — Кстати, ты зачем приходила?

— Ой, чуть не забыла, тебя зовет глава секты, — спохватилась Цю Хуапин.

— Где наставник?

— На Алтаре вопрошания к небу.

<http://bllate.org/book/19399/1899631>